

Март 1953 г.

Я помню: целый день всё время падал снег
И всюю тяжестью висел на черных сучьях.
Но это шла весна - тянуло влагой с рек,
Едва проснувшихся и прячущихся в тучах.
Тянуло влагой с рек и внутренних морей,
И пахло льдом, водой и масляною краской.
Казалось — шли часы ни тише, ни быстрее,
А так же, как всегда, на старой башне Спасской.
Но время мчалось так, как будто целый век
Прошел за этот день... И не мешала вьюга,
Чтоб нес по улице какой-то человек
Мимозы веточку, доставленную с юга.

Леонид Мартынов, «Март 1953 г.»

Погода в то утро была мерзкая. Порошило. Холодный сырой ветер задувал за воротник. Накануне солнце ненадолго пригрело приунывшие было за зиму крыши, но за ночь обильные слёзы, вызванные его обманчиво щедрой лаской, не успев просохнуть, заledenели.

В школе было как-то тише обычного. Учителя ходили с растерянными физиономиями, и детям передавалось их состояние настороженного ожидания. Где-то после второго урока всех согнали в актовый зал, чтобы прослушать очередной бюллетень о содержании белка в моче товарища Сталина. По мановению пухлой руки директрисы всё замерло. Школьный репродуктор захрипел, громко прочистил глотку, и мрачным голосом диктора Левитана объявил: «Внимание, внимание! Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза...» Затем последовала страшная весть о кончине Великого Вождя советского народа и всего прогрессивного человечества, Иосифа Виссарионовича Сталина. И тут плотина прорвалась, не выдержав напора, и бурная река слёз с рёвом захлестнула зал. Сотрясались от рыданий обильные рыхлые груди директрисы. Рыдала завучиха. Рыдала медсестра. Выла уборщица, тётя Валя, припадая к своей швабре. Билась на полу в истерике и рвала на себе пионерский галстук Катька Фетисова. И над всем этим грохотало «там-там-та-там, там, та-там, та-там-та-там» похоронного марша. А тем временем злобное солнце, вместо того, чтобы одеться в траур и скорбеть вместе с осиротевшим советским народом и всем прогрессивным человечеством о непоправимой утрате, вылезло из-за облаков и с любопытством заглядывало в окна актового зала, дивясь на весь этот

адский тарарам. Я изо всех сил тёрла глаза и старалась выжать из себя слёзы. Но, хоть у меня, по выражению отца, глаза всегда были на мокром месте, а похоронный марш и всеобщая истерика давили на психику, заплакать на этот раз никак не получалось. Выходило одно вымученное хныкание по-нарошку.

Нарыдавшись досыта, директриса объявила, что остальные уроки на сегодня отменяются, и нас распустили. Не чуя под собой ног, я неслась домой. Перепрыгивая через ступеньки, я взлетела на третий этаж. На кухне, на высоком табурете, подрёмывала неизменная бабка Вера – мозг и совесть нашей коммунальной квартиры, мышка-старушка в сером платьишке и сером платочке, из-под которого выбивались такие же серые, но посветлее, космочки. У газовой плиты старая ведьма бабка Явдоха, в чёрном балахоне и чёрном платке, помешивала палкой в огромном чане какое-то варево, от которого подымался обильный вонючий пар.

-Бабка Вера! – заорала я. - Сталин умер! Сейчас в школе по радио объявили.

-Слава Те, Господи!- перекрестилась Вера Ивановна. – Сдох, упырь проклятый. Ему б теперь осиновый кол забить, чтоб по ночам не шастал.

Тут Явдоха тоже торопливо перекрестилась, то ли от радости, что Сталин помер, то ли от страха перед бабкиными опасными речами.

-Ты, Верка, окстись. Ведь засёдют за такие слова.

-Куды засёдют-то? У их там, чай, и места-то не осталось где сидеть. Верно уж давно спина к спине стоят.

Явдоха внимательно взгляделась в бабку Веру, как бы прикидывая что-то в уме, а потом убеждённо сказала

-Не, Верка, ты худая. Те много места не надо. Куды-нибудь да приткнут.

-Да кто чё говорил-то? Аль те чё прислышалось?

-Я чё слыхала, то слыхала, - хитро ухмыльнулась ведьма Явдоха.

-А ты давай мешай своюстряпню да помалкивай, - сверкнув чёрными бусинками глаз, ядовито прошипела бабка Вера, - а то, глядишь, штамп-то и не закрасится. Ты чё думаешь, я не знаю, что ты в своём госпитале простыни воруеть, да тут красильню разводишь – всю квартиру

уксусом провоняла. Эх ты! И спишь на чёрных простынях. И душа у тебя чёрная. А ещё в церкву ходишь. Чай попу-то на исповеди не всё выкладываешь?

Явдоха обиженно поджала губы и, выключив газ, заковыляла в свою комнату. Последнее слово, как всегда, осталось за бабкой Верой.

* * *

Дорогой профессор Вовси, за тебя я рад,
Потому что, значит, вовсе ты не виноват.
Зря сидел ты, зря томился в камере сырой,
Подорвать ты не стремился наш советский строй.
Дорогой профессор Коган, знаменитый врач,
Был расстроен, был растроган, но теперь не плачь.¹
Вы лечили днём и ночью, не смыкая глаз,
А лягавая зараза капала на вас.
Ты страдал, ты портил нервы, благородный друг,
Из-за этой самой стервы, Лидки Тимашук.
Но теперь молва в народе — это все мура.
Так лечите ж на свободе наши триппера!²

Мама дома не было. Посреди комнаты стояло два раскрытых чемодана. На столе и на диване разбросано было наше скудное барахло. Кошка сидела под самым потолком на разинувшем беззубый рот старом платяном шкафу и с опаской тарасилась на весь этот кавардак. Я знала, что мы уезжаем в Симферополь, потому что иначе, как объяснял отец, «нас всех [т.е. евреев] забьют в телячий вагон и отправят в нашу собственную автономную республику, куда Макар телят ещё не гонял. А всё за то, что злонамеренно вредили здоровью разных партийных работников и даже самого товарища Сталина». Многие в этом объяснении было непонятно. Например, я знала точно, что моя мама не «еврей», не говоря уже о кошке Мухе. Та вообще была чёрная. С отцом, конечно, были проблемы. У него был, как я слышала, «нос» (какой-то там неподходящей формы

¹ Ни автор этих стихов, ни исполнитель песни, ни его слушатели не знали, что профессора Когана к этому времени уже не было в живых. Он умер, находясь под следствием.

² Стихи В. Лившица. За неточности в тексте не отвечаю. Записано по памяти как песня, исполнявшаяся незабвенным Дмитрием Иогановичем Поляновским.

что ли?). Нос у него действительно был некрасивый, расплющенный, потому что он в юности занимался боксом, и ему переносицу сломали. И ещё у отца был какой-то там «пятый пункт», который, как я знала из разговоров взрослых, почему-то вредил именно евреям. К тому же, я была очень похожа на папу, и фамилия у меня была папина, а в школе меня, как и моих подружек Муську Шальман и Светку Кравчик, часто обзывали «жидовской мордой». Но самое главное, я один раз слышала, как дедушка пошутил, что ему, мол, «достался зять еврей, и у того голова не еврейская». Неясным оставалось всё же, каким образом мой папа умудрялся вредить чьему-нибудь здоровью. Хотя, когда я простужалась, он ставил мне горчичники и поил меня ненавистным горячим молоком с маслом, содой и мёдом, я точно знала, что он не врач, а вовсе даже работает в Эрмитаже и, кроме меня, никого не лечит. Тем не менее нам опять грозила опасность, и опять надо было куда-то бежать и где-то прятаться. И вот сегодня, когда я летела домой с вестью о смерти Друга Всех Детей (кроме детей отщепенцев, вроде меня), я интуитивно понимала, что весть эта была для нас счастливая и что, может быть, опасность миновала и уезжать не надо будет. И бабкиверины слова как бы подтверждали мою догадку.

Однако поговорить с кем-то об этом очень хотелось. Но поговорить было не с кем, кроме, может быть, дедушки Олега, если он дома. Дедушка Олег был маминым дядей, младшим братом моего покойного любимого деда Вити. Вот к нему-то я и побежала. Жил он на Гангутской улице – не больно близко от нас, но бегом можно было добежать минут за пятнадцать. Было скользко, и я несколько раз падала по дороге, но всё же добралась до дедулеговой квартиры довольно скоро. Дверь открыла соседка Марья Петровна и, бросив на меня неодобрительный взгляд (чего, мол, не в школе), молча пошла обратно на кухню дожаривать свою вонючую рыбу. Я показала язык её удаляющейся спине и постучалась к деде Олегу. Он оказался дома и сидел у себя за письменным столом и курил, рассматривая какой-то чертёж.

-Деда Олег! – завопила я, на ходу скидывая пальто, - У нас уроки отменили. Сталин умер я в школе по радио слышала !

Деда Олег на минуту уставился на меня, как если бы я с луны свалилась, а потом вдруг всхлипнул, перекрестился и, высморкавшись в клетчатый платок, грустно сказал:

-Эх, не дожил Витенька! Всего каких-то нескольких месяцев не дожил, » - и снова высморкался.

Мы оба молча поплакали, думая каждый своё о дедке Вите. Своего носового платка у меня не было, но от засморканного платка дедушки Олега я всё же отказалась, а просто утёрла слёзы подолом и, собравшись с духом, спросила.

-А как ты думаешь, может, нам с мамой и папой теперь не надо будет ехать в Симферополь или в Еврейскую республику?

-Да нет, куда там ехать... Им там, - ткнул он пальцем куда-то вверх, - теперь не до того будет. Другие там у них теперь заботы, - повторил он задумчиво. - А мама дома?

-Не знаю. Никого не было, когда я со школы пришла.

- Не со школы, а из школы, - поправил меня дедушка Олег. - И чему только они вас там учат? Пойдём, я тебя домой провожу. Может быть, мама с папой уже вернулись.

Родители действительно уже были дома. Они сидели в обнимку на диване. У мамы были заплаканные глаза. Первое, что она сказала, когда мы с дедом Олегом появились, было: «Эх, не дождал папа!...», - и опять заплакала. Потом они поплакали вместе с дедом Олегом, а отец за это время успел мне объяснить, что ехать действительно никуда не надо – ни в Симферополь, ни в нашу собственную автономную республику, хотя что мы будем делать дальше, пока неизвестно.

Вечером к нам зашёл друг моих родителей Дима. Он принёс веточку мимозы для мамы и пару конфет для меня. День своевременной кончины Корифея Всех Наук закончился у нас мирным чаепитием и гаданиями о будущем. Причём Дима жизнерадостно утверждал, что «Жизнь продолжается, господа присяжные заседатели!», и теперь всё повернёт к лучшему, а отец – неисправимый пессимист – спорил, что многие из тех, кто сегодня рыдал, были скорее всего правы, потому что любой новый тиран может оказаться ещё страшнее старого.